

К ВОПРОСУ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ*

Чжан ЦЗУНХАЙ, кандидат исторических наук, профессор, директор Института истории Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян, КНР

В последние годы из российской печати мы получаем немало сообщений о том, что китайские граждане нелегально оседают на Дальнем Востоке и в других регионах России, в результате чего нередко случаются различного рода недоразумения, конфликты и даже преступления. Еще в 1993 г. российские газеты не раз обращались к теме незаконной китайской миграции в России, оперируя иногда цифрой общей численности китайцев на территории Российской Федерации до 2 млн. чел., из которых от 0,3 млн. до 1 млн. чел. якобы закрепились на Дальнем Востоке¹. Вопрос совсем не в этой преувеличенной цифре, хотя она, конечно, непомерно огромна, а в том, что кое-кто хотел бы найти некоторые основания к созданию на Дальнем Востоке России обстановку так называемых «желтой опасности» и «ползучей китайской экспансии». Это, разумеется, вызвало пристальное внимание ученых как КНР, так и России.

I. К концу XX в. в российской прессе вновь зазвучали голоса о «желтой опасности», которые не только привлекли наше большое внимание, но и ассоциировались также с борьбой, которую в свое время царское правительство вело против «желтой опасности» в конце XIX в. и в начале XX в. на Дальнем Востоке России. В связи с этим невольно вспоминается известная идиома «история повторяется».

По Айгунскому и Пекинскому договорам 1858 и 1860 гг. Приамурский край официально отошел к России. После этого, хотя царское правительство проводило гибкую политику, стимулировавшую переселение людей на Дальний Восток, по ряду причин особой эффективности у такой политики не было. За 24 года 1859—1882 число переселенцев на Дальний Восток России из ее западных регионов составило всего 14409 чел. Ежегодно переезжали всего 602 чел.² Между тем для страны, для правительства освоение Приамурского края быстрыми темпами имело большое стратегическое значение. А рабочих рук в то время было недостаточно.

Сначала местная власть пыталась использовать в качестве строителей нижних чинов, но строительные работы отвлекали их от военной службы. Поэтому решено было обратиться за рабочей силой в Китай, особенно в очень бедную и густонаселенную провинцию Шаньдун. С 70-х годов XIX в. г. Чифу стал главным пунктом набора и отправления шаньдунских кули на Дальний Восток России. С этого времени количество китайцев, приезжавших в Приамурский край увеличивалось год от года. А затем, по мере постройки крепости и порта Владивосток, Уссурийской железной дороги и в особенности Ки-

* Из доклада на международной научной конференции, посвященной 50-летию КНР

тайской Восточной железной дороги, число работавших в России и на Россию китайцев достигло громадных размеров. Уполномоченный Министерства иностранных дел российского правительства В.В. Граве в своем отчете, посвященном исследованию «желтой опасности» на Дальнем Востоке в начале XX в., так пишет: «Это тот чернорабочий элемент, который наполняет летом тайгу в качестве рабочих на приисках, деревню в качестве сельских рабочих, и города в виде рабочих на фабриках, заводах, на постройке домов и других сооружений, при ремонте улиц, в качестве грузчиков на пристанях, матросов на мелких пароходах и вообще всюду, где требуется применение грубой силы»³.

Китайская миграция на Дальнем Востоке имела тогда сходство с весенним и осенним перелетами птиц. Большинство китайцев, прибывших на территорию России весной — в марте и апреле, поздней осенью и в начале зимы — в ноябре, декабре — старались вернуться на Родину, к китайскому Новому году. За исключением тех, кто женился на русских, никто не хотел осесть на чужой земле. Китайцы настолько прочно привязаны к своей стране, что, кажется, тут действуют особенные китайские гены, хранящие в себе потенциал любви к отечеству. Несомненно, многие китайцы, оказывавшиеся на Дальнем Востоке, конкурировали во всех жизненных областях с русскими переселенцами из Европейской России, число которых стало увеличиваться год от года. Именно из-за этого и возник в те времена вопрос о необходимости борьбы с «желтой опасностью».

Русско-японская война 1904—1905 гг. придала «желтой опасности» еще и политическую окраску. Куропаткин и другие царские генералы, потерпев поражение, чтобы как-то оправдать себя, опять взяли на вооружение легенду о «желтой опасности», заявляя, что якобы русско-японской войне все китайцы, живущие и на Дальнем Востоке и в Маньчжурии, будут помогать японцам в разделе и захвате Дальнего Востока России. Выдумка Куропаткина вызвала у русских немалую тревогу и неприязнь к китайцам. В такой обстановке можно себе представить, каковым до 1917 г. было положение китайцев на Дальнем Востоке России. Сталин тоже не забывал о «желтой опасности». И в 1930-е годы, после захвата Японией Маньчжурии, китайцы были и репрессированы и выселены с Дальнего Востока СССР.

Сегодня, к концу XX в., история демонстрирует повторение событий столетней давности. После введения в Китае политики реформ открытости ценностные воззрения китайцев, находившихся 20 лет в изоляции от мировой цивилизации, претерпели основательные изменения. Они уже не только хотят побывать за границей, посмотреть «житье-бытье», но и, руководствуясь лозунгом «Сделать семью богатой», едут за рубеж зарабатывать деньги. С улучшением отношений с бывшим СССР, с теперешней Россией взаимное перемещение населения достигло огромного размаха. Например, в порту Хэйхэ в 1987 г. в среднем количество пересекающих границу за один день составляло 2,4 чел.⁴, в 1989 г. — 227,6 чел. А в 1993 г. это число возросло до 2165,7 чел. В сентябре между городами Хэйхэ и Благовещенском, разделенными Амуром, открылся так называемый «однодневный туризм». Сначала это означало поездку за границу с целью ознакомления с другой страной, а потом «однодневный туризм» стал представлять собою поездку за покупками. В 1990 г. этот маршрут за покупками достиг высоких показателей. Количество таких туристов тогда составляло 52,16% от общей численности взаимного перемещения населения за год. В 1991 г. началась «народная торговля» двух стран. Это еще более стимулировало взаимное курсирование китайцев и россиян между городами Хэйхэ и Благовещенском. Аналогичная ситуация наблюдается и в Суйфэньхэ. До 1989 г. и китайцы, и русские, направлявшиеся в Суньфэньхэ и Гродеково, ездили на небольшом поезде из двух вагонов, который обслуживался только российскими железнодорожниками. В то время в этом двухвагонном поезде пассажиров почти не было. С 1991 г. в день ходят уже 2 поезда из более чем 10 вагонов каждый, и, однако, есть пассажиры, которым не удается сразу уехать. Особенно многолюд-

но бывает перед китайским Новым годом, когда китайцам, возвращающимся на родину из России, приходится несколько дней ожидать своей очереди на станции Гродеково. Пользуясь этим, некоторые не порядочные работники российской таможни и станционные «охранники» все чаще открыто запрашивают взятку в 400 юаней или 50 дол. с того или иного гражданина КНР, спешащего на свою родину, а потом «помогают» ему быстрее проходить в зал пограничного контроля, а затем сразу садиться в поезд.

Кроме сезонных рабочих в такой «народной волне» взаимного перемещения, очень большой удельный вес имеют так называемые «челноки». Они по преимуществу торгуют одеждой, обувью, головными уборами, всякой мелочью. Каждый день «челноки» доставляют товары (из них значительное количество — некачественные) на территорию России, где сложилась своя сеть сбыта. Товары поездом и машинами везут от Суйфэньхэ до Гродеково, там компании встречаются «челноков» и перевозят груз в другие регионы Дальнего Востока, где все и реализуется. Значительная часть «челноков» из Китая являются китайскими этническими корейцами, у которых есть родственники, земляки или знакомые на Дальнем Востоке России. 5—8% от общего объема пограничной торговли выполняется «челноками». Русский ученый А. Воскресенский по этому поводу пишет: «Сегодня около 80% российско-китайских экономических связей приходится на межрегиональную и пограничную торговлю. Она стала жизненно важной для приграничных районов, которые получили от Китая то, что многие годы не могли получить в достаточном количестве из европейской части России»⁵.

На обширной и малонаселенной территории Дальнего Востока России заметным явлением стали хлынувшие сюда иностранцы. По имеющимся данным, с 1993 г. по 1994 г. численность китайских граждан в Приморском крае колебалась от 40 тыс. до 150 тыс. чел. На территории Пограничного района она в полтора-два раза превышала численность российского населения. В таких условиях усиливалась конкуренция россиян с гражданами КНР за владение торговыми рабочими местами⁶.

В числе китайцев, прибывающих на территорию России, действительно, есть некоторые злостные нарушители существующих законоположений. На чужой земле они тоже не считаются ни с какими законами. Они в тайге добывают женьшень, браконьерствуют, иногда за деньги даже убивают своих соотечественников. Все это, разумеется, напоминают русским о пресловутой «желтой опасности». Но такая «желтая опасность» совсем не имеет ничего общего с «ползучей китайской экспансией». Как пишет доктор В.Л. Ларин, «пропаганда «желтой опасности» была по меньшей мере выгодна достаточно мощной группировке «западников» в правительстве и представительных органах власти, ориентирующих политику России исключительно на связи с Западной Европой и США. По их мнению, Китай в ближайшие 5—10 лет может представить самую опасную внешнюю угрозу для России»⁷.

По мере введения с января 1994 г. визового режима, особенно проведения в Приморье операции «Иностранец», и строгого контроля над поездками граждан Китая в Россию вопрос китайской миграции на Дальнем Востоке, по видимому, уже решен. В Китае есть такая пословица (имеется она и у русских): «Рыба ищет, где глубже, человек — где лучше».

В соответствии с этой народной мудростью в Северо-Восточном Китае, особенно в провинциях Хэйлунцзян и Цзилинь, граничащих с Дальним Востоком России, миграция населения идет теперь в основном не на Дальний Восток России, а в экономически развитые районы Южного Китая.

...В первой половине XX в. ни одна страна в мире не оказывала такого огромного влияния на развитие Китая, как Советский Союз. Это влияние шло во многих областях: в политике, экономике, культуре. Благодаря Октябрьской революции, помощи Советского Союза в Китае тогда произошли кардинальные социально-экономические изменения.

Сегодня обстановка в Китае и России коренным образом отличается. Несмотря на эти отличия, между народами двух стран должен происходить культурный обмен, должно существовать взаимопонимание. Ученые двух стран призваны неизменно способствовать обмену и взаимопониманию двух великих народов.

¹ Благодаря Октябрьской революции, помощи Советского Союза в Китае произошли кардинальные социально-экономические изменения // Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия: Проблемы экономического сотрудничества. М., 1998. С.184—185.

² Приамурье: факты, цифры, наблюдения: Приложение к отчету общеземской организации за 1908 г. М. 1909. С.852.

³ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции; СПб., 1912. Вып. 11. С.52.

⁴ Ли Шэнцзун. О развитии и тенденции перемещения населения между Хэйхэ и Благовещенском. Хэйхэ сюекань, 1994. №3—4.

⁵ Воскресенский А. Зона сотрудничества или потенциального конфликта? Дальневосточная граница в прошлом, настоящем и будущем // Независимая газета. 1994. №103.

⁶ Перспективы Приморского края в условиях перехода к рынку. М., 1994. С.93.

⁷ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: Проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998. С.126—127.

SUMMARY: «Concerning Chinese Migration in the Russian Far East» — this is the title of the article of Professor Zhag Zonghai, Director of the Institute of History of Academy of Social Sciences of Heilongjiang Province (China). The article considers the history of migration of the Chinese in the Far East of Russia as well as the present state of this phenomenon. The author substantiates his point of view on migration of the Chinese to Russia using appropriate figures and facts.